

ма¹⁰, короластике Согда¹¹, торевице¹². Причем музыканты выступают персонажами как культовых, так и светских сцен.

Описанные выше фигурки музыкантов передают разные образы исполнителей — разные типы музыкальных инструментов и разные манеры игры на них. Имеющиеся в нашем распоряжении статуэтки можно разделить на две группы, отличающиеся друг от друга временем бытования, типами изображений и техникой изготовления.

Первая — это изготовленные при помощи штампа фигурки, передающие застывшие канонизированные образы музыкантов, возможно, связанных с определенными культовыми верованиями. Особо следует отметить стилистическую близость широкобедрых обнаженных музыкантов с многочисленной группой мужских статуэток с воздетыми вверх руками¹³. Это наряду с фактом синхронности их бытования позволяет отнести их к одной группе культовых персонажей.

Второй тип — лепные, свободно трактованные фигурки, являющиеся, по-видимому, детскими игрушками, и, возможно, передающие образы эпических героев.

Четыре из пяти имеющихся статуэток музыкантов передают образ лютниста, что говорит о большой популярности этого струнного инструмента среди древнего населения Средней Азии в период античности и раннего средневековья. Лютня пользовалась одинаковым успехом у разных классов и сословий. Изображения лютнистов (чаще лютнистов) мы встречаем как в настенной живописи и торевице, отображавших быт правящих классов, так и в мелкой терракотовой пластике, освещавшей жизнь широких народных масс.

Г. А. Пугаченкова подробно рассмотрела генезис и эволюцию этого музыкального инструмента на протяжении нескольких столетий¹⁴.

В Средней Азии лютнеобразные инструменты до арабского завоевания были известны двух основных типов: первый — лютня с округлой декой и коротким грифом, имеющая от двух до четырех струн, второй — гитарообразные лютни. Наиболее раннее изображение лютни первого типа встречается в живописи Халчаяна. Причем следует отметить, что этот тип является наиболее распространенным и бытовавшим без существенных изменений конструкции на протяжении многих столетий.

Хронологические рамки бытования лютен второго типа пока могут быть определены в более узких пределах — первые века нашей эры. В Средней Азии лютня с гитарообразной формой деки известна по Айртамскому фризу и описанной выше терракотовой статуэтке из Мерва. Не исключено проникновение этого типа лютни на территорию Средней Азии из более южных областей.

Несколько отличен по типу струнный инструмент (см. рис. 1, 1) с каплевидным корпусом и длинным грифом, который напоминает парфянский струнный инструмент, известный по ритонам из Нисы (II в. до н. э.). Возможно, он передает тип инструмента, послужившего прототипом современного туркменского дутара, тем более что ареал распространения этого инструмента пока ограничивается лишь территорией Южного Туркменистана.

Судя по произведениям живописи, скульптуры и короластики, на лютне обычно играли стоя, прижав корпус инструмента высоко к груди и отведя гриф влево. В ориентации инструмента в вертикальной плоскости наблюдались некоторые различия. Наиболее излюбленной манерой игры на лютне среднеазиатскими музыкантами считалась та, при которой левая рука с грифом несколько опускалась вниз. Но по терракотовым статуэткам известна манера приподнимать гриф несколько вверх (Мерв) или держать его горизонтально (Согд). Возможно, более поздней является широкораспространенная в настоящее время на Востоке манера игры сидя, с подогнутыми ногами, так как в исто-

¹⁰ М. Е. Массон, Скульптура Айратама, «Искусство», 1935, № 5.

¹¹ В. А. Мешкери, Терракотовые статуэтки музыкантов из собрания Музея истории, «Труды Музея истории УзССР», вып. II, Ташкент, 1954.

¹² Я. Н. Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. 37.

¹³ Г. А. Пугаченкова, Короластика древнего Мерва, стр. 148—153.

¹⁴ Пугаченкова, Девушка с лютней...

бразительном искусстве античного времени подобная манера исполнения не зафиксирована.

Передавая облик хрупких музыкальных инструментов прошлого, терракотовые статуэтки музыкантов из Мерва наряду с подобными произведениями коропластики Согда и Хорезма являются бесценным материалом по истории музыки народов Востока. Созданные мастерами-керамистами, они отвечали запросам и вкусам широкого потребителя и в определенной мере отражали уровень развития музыкальной культуры народных масс.

В. Н. Пилипко

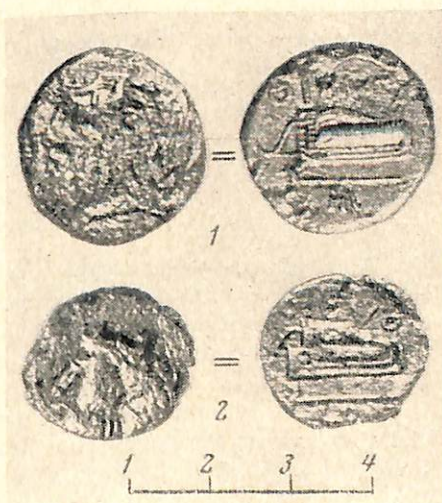
TERRACOTTA STATUETTES OF MUSICIANS FROM MERV

by V. N. Pilipko

The article deals with Parthian and Early Sasanid terracotta plastic art from Merv, mainly with statuettes representing musicians performing on stringed instruments. The manner of playing in a sitting position with legs half bent, which is widespread in the Orient today, seems to have been adopted later, since in these ancient representations it does not appear.

ОЛЬВИЙСКИЕ МОНЕТЫ С КОШАРСКОГО ГОРОДИЩА

В 1964—1965 гг. были возобновлены и продолжены раскопки Кошарского городища эллинистического времени¹. Памятник расположен на границе Николаевской и Одесской областей, возле устья Тилигульского лимана, на его правом берегу. Обнаруженное в 1950 г. городище представляет интерес для выяснения этногеографии и характеристики культуры племен, живших на берегах Тилигула (Аксиака, Асиака), а также для локализации древнего Одесса (Ордесса), гавани, упоминаемой древними авторами². Новые работы производились там же, где и в 1955 г.; было обнаружено несколько помещений многокамерного каменного дома³. При раскопках 1964 г. были найдены две медные монеты, о которых и пойдет речь в настоящей заметке. Первая находка происходит из большой хозяйственной ямы, расчищенной в окопе военного времени (рис. 1, 1). Диаметр монеты 26,1 мм, вес 12,7 г, соотношение осей (по часовому циферблату) 7, л. ст.: голова бородастого речного божества Борисфена, влево; об. ст.: лук в горите, влево, под ним секира,

вверху ОΛΒΙΟ, внизу монограмма

ΑΔ 4

¹ Работы на Кошарском городище в 1964—1965 гг. проводила Тилигульская, а затем Тилигуло-Днепровская экспедиция ИА АН СССР с участием ОГАМ.

² Э. А. Симонович, О древнем Одессе, ВДИ, 1954, № 4, стр. 146—150.

³ Э. А. Симонович, Античный памятник на Тилигульском лимане, КСОГАМ, 1962, Одесса, 1964, стр. 145—153.

⁴ Монеты близкого типа представлены у А. Н. Зографа («Античные монеты», МИА, № 16, 1951, табл. XXXII, 15), причем наиболее тяжелые по весу варианты автор считал возможным сближать с типами монет самого конца IV — начала III в. до н. э., датируя их временем второго и третьего десятилетий III в. до н. э., стр. 131.

Вторая монета (рис. 1, 2) найдена на полу жилого помещения в раскопе 1 на глубине 0,30 м. Она имеет диаметр 22,1 мм, вес 8,87 г, соотношение осей (по часовому циферблату) 6. Аверс и реверс как у первой, но монограмма ΠP на монете стилистически более грубо оформлена ⁵.

Обе монеты принадлежат к типу ольвийских монет с изображением речного божества, за которыми в литературе закрепилось название «борисфены» ⁶. Эти монеты являются одними из наиболее многочисленных в Ольвии. Датировку подобных монет уточнил в последние годы П. О. Карышковский. Он считает возможным датировать их в пределах от 330—325 до 250—230 гг. до н.э. ⁷. Кроме того, эти монеты находились в обращении довольно долго после прекращения их чеканки, окончание которой отнесено П. О. Карышковским в последней работе, посвященной специально «борисфенам», ко времени около середины III в. до н. э. ⁸. Первая монета датируется предпоследним десятилетием или шире — последней четвертью IV в. до н. э.; вторая — концом первой четверти III в. до н. э. Между выпуском обеих монет прошло около 30 лет при любой их датировке (пользуюсь заключением П. О. Карышковского, лично ознакомившегося с данными находками).

Как известно, медные монеты античных городов были в повседневном обращении у населения и, следовательно, помогают довольно точно определить время существования связанных с ними объектов. Тем самым обосновывается датировка одного из периодов существования Кошарского городища, время которого предварительно было определено IV—II вв. до н. э. ⁹.

Монеты ольвийского чекана на городище, отстоящем от Ольвии примерно на 100 км, выявляют адрес доселе неизвестного торгового партнера «Счастливого города». Кошарское городище в культурном слое содержит и другие материалы, доказывающие наличие связей и оживленной торговли с античными центрами. Это заключение основано на многочисленных находках амфорной тары, чернолаковой керамики и пр. Можно надеяться, что дальнейшие работы на Кошарском городище дадут не только нумизматические, но и другие материалы, всесторонне характеризующие хозяйство и торговлю населения берегов Тилигульского лимана в эллинистический период, а эпиграфические находки помогут определить, какое отношение имел населенный пункт к Одессу (Ордессу) письменных источников.

Э. А. Сымонович

OLBIAN COINS FROM THE KOSHARSKY TOWN-SITE

by E. A. Symonovich

The first find of two copper coins (of the so-called «Borysthenes» type, minted, according to P. O. Karyszkowsky, in Olbia in the period from 330-320 to 260-250 B.C.) on the Kosharsky town-site at the mouth of the Tiligul estuary supports the hypothesis that this new and interesting ancient site belongs mainly to the fourth and third centuries B. C., perhaps also to the beginning of the second (see *VDI*, 1954, 4, p. 148; *KS OGAM*, Odessa, 1964, p. 151). The discovery of the coins confirms the existence of close commercial ties between the population then occupying the site and Olbia, ties which are also, indicated by other archaeological evidence from excavation.

⁵ Монеты близкого типа представлены у А. Н. Зографа (ук. соч., табл. XXXII, 18), но с иными монограммами, тип которых автор относит к средней, более поздней группе монет весом около 9 г, датируемых второй третью III в. до н. э., стр. 130 сл.

⁶ См., например, Зограф, ук. соч., стр. 130—134.

⁷ П. О. Карышковский, Заметки по нумизматике античного Причерноморья, ВДИ, 1957, № 2, стр. 143 сл. Пользуюсь случаем принести П. О. Карышковскому благодарность за консультацию.

⁸ П. О. Карышковский, Ольвийские «борисфены», сб. «Нумизматика и сфрагистика», 3, Киев, 1968, стр. 76, 79.

⁹ Сымонович, ук. соч., стр. 151.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Надписи Ольвии (1917—1965)». Под ред. Т. Н. Книпович и Е. И. Леви. Институт археологии АН СССР, Л., Изд-во «Наука», 1968, 132 стр., 65 табл., тираж 1600 экз., цена 1 р. 14 к.

Вышедший под редакцией Т. Н. Книпович и Е. И. Леви сборник ольвийских надписей отвечает назревшей потребности историков, археологов, филологов иметь в своем распоряжении издание, в котором были бы объединены найденные в Ольвии за последнее столетие надписи. Как указано во введении, в сборнике даны не только уже опубликованные в разных периодических изданиях эпиграфические памятники, но и еще не опубликованные, издаваемые впервые.

Сборники «Корпус боспорских надписей» (1965 г.) и Э. И. Соломоник «Новые эпиграфические памятники Херсонеса» (1964 г.) выполняют аналогичную задачу по отношению к двум другим крупным государствам Северного Причерноморья — Боспорскому царству и Херсонесу. В настоящее время и Ольвия обеспечена своим сборником, за что специалисты не могут не быть признательны всем, потрудившимся над выпуском сборника.

Леммы, греческий текст, перевод, комментарий в большинстве случаев не вызывают никаких возражений. Хороший формат, дельное введение, указатели, прекрасно выполненные снимки рекомендуют новое издание с самой лучшей стороны.

К сожалению, не во всех отношениях со стороны составителей сборника была проявлена надлежащая тщательность.

Прежде всего, заслуживает упрека небрежная правка греческого текста. Если судить по списку опечаток, ошибочная замена одной буквы другою допущена в книге только в пяти случаях (если причислять сюда и замену прописной буквы строчною), а ошибка в ударении только в трех случаях. Между тем в действительности погрешности того и другого ряда наблюдаются в сборнике в гораздо большем числе случаев.

Отметим наиболее крупные, режущие глаз. Неправильно поставлены ударения в формах артикля — в дат. пад. мн. ч. — τοῖς (вм. τοῖς) — № 46,2; в частично или целиком дополненных частях надписей — в вин. пад. мн. ч. — τοῖς (вм. τοῖς) — № 28,9; № 35,7; № 36,5. В других словах: πάσι[ν] (вм. πασι[ν]) — № 73; κόμης (вм. κόμης) — № 34, комментарий; χάρα (вм. χάρα) — там же; Κοανεφίωνος (вм. Κοανεφίωνος) — № 42,2; εἰπάν (вм. εἰπαν) — № 45,1; πεπολιτ[ε]ῦσθαι (вм. πεπολιτ[ε]ῦσθαι) — № 34, 1—2; ἀναγορευθῆναι (вм. ἀναγορευθῆναι) — 43,1—2; διαχεῖσθαι (вм. διαχεῖσθαι) — № 45,9—10 и комментарий; ἀποδιδούς (вм. ἀποδιδούς) — 29,3; Διονυ[σο]δωρο (вм. Διονυ[σο]δωρο = Διονυ[σο]δωρου) — 58,3. Ошибочная замена одной буквы другою: πατὴρ (на фото ясно ПАΤΗΡ) — 28,8; φαίνεται (вм. требуемой формы конъюнктива φαίνεται) — № 35,1 (дополненная часть надписи); χαριστήριον (вм. χαριστήριον) — 86,15—16. Особо следует выделить один печальный случай: в № 45,4 — ἀναγκαῖον (πραγματῶν) вместо ожидаемого ἀναγκαῖον; кроме того, это слово дважды встречается в комментарии и опять в неправильном (причем все три раза разным) написании — ἀναγκαῖον, ἀναγκαῖον.

Во введении название аркадского города Орхомена почему-то берется во множественном числе (стр. 7: «проксения в честь жителя Орхомен в Аркадии»). В указателе отсутствует имя богини Νίκη. Обработка текста (если даже отвлечься от указанных небрежностей), перевод и комментарий подают повод к некоторым замечаниям.

№ 1. В комментарии речь идет об орфографических особенностях надписи. Между тем, в действительности надпись отражает реальные языковые особенности ионийского диалекта. Датируется над-